

## РАДИКАЛЬНАЯ НАУКА. СПОСОБНЫ ЛИ УЧЕНЫЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОТЕСТ?\*

**Бараш Раиса Эдуардовна** – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. ФНИСЦ РАН. Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Научный сотрудник. Институт логики, когнитологии и развития личности. Российская Федерация, 107140, г. Москва, Леснорядский пер., 10, стр. 2  
e-mail: raisabarash@gmail.com

**Антоновский Александр Юрьевич** – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;  
e-mail: antonovski@hotmail.com

В статье выявляются несколько типов новообразующегося протестного движения, кристаллизующегося вокруг тем автономии и защиты собственных интересов и перспектив научной системы коммуникации. Это доказывает тезис о том, что по крайней мере является возможным такой тип коммуникации, который бы одновременно ориентировался и на когнитивную, и на нормативную установку в наблюдении реальности. Обосновывается, что такой тип коммуникации относительно стабильно воспроизводится и может претендовать на статус нарождающейся коммуникативной макро-системы. Это обстоятельство мы можем охарактеризовать как практическое разрешение парадоксов Мертон и Поппера, которые – теоретически – указывали на несовместимость двух противоположных притязаний: с одной стороны, быть лучшим наблюдателем или институтом познания, а с другой стороны, предлагать лучшие образцы (ценности, нормы) социального согласия и общественного устройства.

**Ключевые слова:** наука, протест, Поппер, Мертон, парадокс, ценности, наблюдение, научная коммуникация



## RADICAL SCIENCE. ARE THE SCIENTISTS CAPABLE OF SOCIAL PROTEST?

**Raisa E. Barash** – PhD in Political Science, senior research fellow. Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 24/35 Krzhizhanovsky St., 117218, Moscow, Russian Federation. Research fellow. Institute of Logic, Cognitive Sciences and Personal Development.

The authors identify several types of the new forms of protest movement that are discussed within the problems of autonomy of scientific system and the protection of the interests of scientists. They argue that the this type of communication shows how it is possible to combine both cognitive and normative attitude of science. The authors show the mechanisms of the reproduction of this communication and argue that it gradually turns into communicative macro system. The authors conclude that the protest movement in science could be considered as a practical resolution of the Merton – Popper paradox, which presumes the incompatibility of both cognitive attitude (impartial observation) and normative dimension (value production) of science.

\* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ».



10/2 Lesnoryadskiy lane,  
107140, Moscow, Russian  
Federation;  
e-mail: raisabarash@gmail.com

**Keywords:** science, protest, Popper, Merton, paradox, values,  
observation, scientific communication

**Alexander Yu. Antonovski** –  
DSc in Philosophy, leading  
research fellow.  
Institute of Philosophy,  
Russian Academy of Sciences.  
12/1 Goncharnaya St.,  
Moscow, 109240, Russian  
Federation;  
e-mail: antonovski@hotmail.com

## 1. «Республика ученых» и коллективная истинность

Само собой разумеющимся принято считать, что ученые являются особым образом натренированными наблюдателями, способными увидеть больше обычного человека. И в утверждении результатов своих наблюдений, которые называют знанием, они претендуют на приоритет перед другими, маркируя их дополнительным индексом – истинностью, неким индикатором объективности, необходимости и коллективности. Ведь любое утверждение ученого, с его точки зрения, допускает проверку любым членом научного коллектива. В этом смысле поначалу представляется, что консенсус (коллективность) и истинность сопутствуют друг другу и друг без друга не существуют<sup>1</sup>.

Кажется, что это сцепление радикально отличает науку от других сообществ, скажем, от политических объединений, в которых коллективный характер обязательных к выполнению решений еще никак не удостоверяет (конечно, с точки зрения внешнего наблюдателя) его правильность или истинность (вспомним решение афинского суда в отношении Сократа).

Это – свойственное для всех слабо дифференцированных обществ – единство коллективности/истинности, за которые отвечали политика и религия (которые, начиная со споров об инвеституре, правда, и между собой никак не могли договориться о том, кто же среди них является главным гарантом утверждения истинности и коллективности) распадается на два достаточно автономных типа общения, пользующихся разными инструментами наблюдения и, как следствие, конструирования собственной реальности.

<sup>1</sup> Позднее это начинают аргументировать тезисом о невозможности «приватного языка» [Wittgenstein, 1978], но этот аргумент явно избыточен [Касавин, 2016].



Ученый, взбираясь на свою «башню из слоновой кости» [Никифоров, 2018; Касавин, 2018], обретает, правда, лишь с его собственной точки зрения, более высокую наблюдательную позицию. Он видит то, что недоступно другим наблюдателям, и, прежде всего, фиксирует ограниченность их сектора обзора и их зависимость от собственных несовершенных наблюдательных инструментов. Так, в утверждениях властителей, по мнению ученого, содержится не образ реальности, не пассивное или бесстрастное интерсубъективное переживание, индуцированное самим внешним миром, как он есть, т. е. истина. Одних пассивных «переживаний» было бы недостаточно для активации коллективной воли к действию, за которой (в противовес бесстрастности ученого) стоит партийность или интерес властителей, которые не обязаны считаться с тем, что фактически существует в реальности, но как раз исходят из отсутствия тех или иных желаемых реалий.

Единая позиция наблюдения коллективной истинности, ранее зарезервированная за политикой/религией, теперь раскалывается на перспективы активно действующих и пассивно переживающих, «практиков» и «теоретиков», «людей действия» и «людей знания» [Бараш, 2013]. Но такая «созерцательная пассивность» ученого словно компенсируется его лучшими наблюдательными ресурсами. Теперь он может сравнивать и ставить себя на место других наблюдателей (Н. Макиавелли<sup>2</sup>), он анализирует те средства наблюдения (коммуникации), которые для политиков – как и всякие инструментальные средства (как *Zuhandene* М. Хайдеггера) – рефлексии по определению не подвергаются.

Эти средства суть, прежде всего, те дистинкции, которые имеют главное ориентирующее и мотивирующее значение для участников политической коммуникации, а именно – различия в их властных статусах, которые для них самих и их карьерных перспектив значат гораздо больше, чем вызовы со стороны внешнего мира (судьбы людей и судьбы природы).

Постепенно этот внешний мир как бы передается для рассмотрения и вынесения суждений (или лучше сказать, становится доступным) некоей выделенной когорте незаинтересованных в своих властных позициях наблюдателей, к которым политики теперь обращаются за советом, не опасаясь ученых как соперников, способных обмануть или сместить их в конкурентной борьбе. Более того, этот внешний мир как некий третий судья, общий знаменатель или truth-maker, к которому имеет право обратиться за помощью любой член ученого сообщества, теперь не только подтверждает высказывания ученых, но и как объективный судья гарантирует демократическое устройство самого сообщества.

<sup>2</sup> Собственно именно такая свобода осцилляции между наблюдательной перспективой властителя и перспективой исследователя только и объясняет само по себе загадочное постоянное колебание взглядов Макиавелли от апологии произвола власти до утверждения чуть ли не теории разделения властей в «Государе».



В этом смысле коллективность и консенсус снова сцепляются с истиной, но теперь уже – в перспективе наблюдения научного сообщества. Между тем постепенно приходит понимание, что и сам внешний мир не может быть просто призван в качестве третьей стороны, но требует тщательного прописывания процедур проверки, обоснования и контроля его третейских функций со стороны самих ученых. Для этой функции возникают экспертные сообщества, университеты, королевские общества, академии наук, ученые советы и т. д., возвращающие принципы социального контроля над областью, которая дефинитивным образом требовала минимизации такового контроля и – парадоксальным образом – уединенного размышления. На свободу теоретизации вновь накладываются ограничивающие узы – правила научного метода и научного дискурса.

Отсюда многочисленные идеи о том, что не только само истинное знание о мире есть последняя и абсолютная ценность научного дискурса, но, напротив, и сам этот дискурс (процедуры проверки и особым образом социально-регламентируемые апелляции к внешнему миру, как последнему источнику знания, как средство утверждения истинности) обладает таковой ориентирующей ценностью и поэтому может и должен служить образцом поведения и стандартом коммуникации не только для ученых, но и для других «менее продвинутых» сообществ. Отсюда – возрожденческо-просвещенческая идея *Respublica literaria* с собственными принцами и «генеральными прокурорами» и преимущественно письменным языком коммуникации [Miller, 2000].

Эта идея дожила до нашего времени. Так, в XIX в. в систематической форме идею «научного союза» как некоего образцового способа коммуникации и нового интегратора все более дифференцирующегося общества разрабатывает, к примеру, Ф. Шлейермахер<sup>3</sup>. А в XX в. вопрос о том, как лучше научить общество жить по правилам ученых, принимает теоретическую форму особой дилеммы разрыва/континуальности (или либерализма/коммунитаризма) в отношении общества и науки.

Одни (среди которых М. Вебер, А. Уайтхед, П. Сорокин) полагают науку в качестве выделенного наблюдателя, в своих суждениях критически и даже негативно относящегося к нормам и ценностям остальных сообществ, которые они могут до известной степени преобразовать, «переучить» или «вылечить» от их дефицита наблюдательности и внимания в соответствии с собственными когнитивными нормами и целями.

Другие (Дж. Дьюи, О. Нейрат, Дж. Бернал, а в России – Б. Гессен, Н. Бухарин) утверждали прямо противоположную причинно-следственную связь. Наука-де и сама должна подчиняться обществу,

<sup>3</sup> «Напротив, нигде, кроме научного дела, так глубоко не проявляется сообщество, в котором должны состоять государства?» [Шлейермахер, 2018; Антоновский, 2018].



поскольку выражает общественные, а не какие-то собственные или автономные потребности: «Всякая наука, какую ни возьми, вырастает из потребностей общества... Никто не подсчитывает числа мух на окне или воробьев на улице, а рогатый скот – считают» [Бухарин, 1928, с. 7].

## 2. Парадоксы Р. Мертон и К. Поппера

Парадоксально, но именно в попытке как-то формализовать коммуникативные преимущества этоса науки<sup>4</sup> с помощью либеральной аргументации (и тем самым обосновать автономию науки от общественного контроля над ней) эта дилемма *либерализма/коммунитаризма* вообще утратила свою определенность. Ведь возникает вопрос о том, насколько априорны или контингентны провозглашаемые Мертоном нормы научной коммуникации?

Конечно, наука в своей саморефлексии формулирует притязание на создание невиданного фундамента общественного согласия и акцептации ее коммуникативных предложений: ведь они универсальны, непартийны, недогматичны, объективны, не маскируют и зачастую демаскируют личные и коллективные интересы. Любой запрос на контакт на этом фундаменте, кажется, можно принимать без особого риска. Но, спрашивается, должны ли эти установки стать базовыми ценностями либерального общества в дополнение к традиционным ценностям свободы, справедливости, равенства и демократии?

В таком случае активность исследователей должна была бы подчиняться ценностным ограничениям, *запрещающим рефлексию и сомнение* в нормах научной коммуникации. А чем в таком случае наука отличалась бы от столь же нерефлексивной активности других сообществ, интегрируемых посредством не критически акцептируемых норм и ценностей? Этот научный этос, если только признавать его действительный авторитет и значение, должен иметь для науки такое же традиционное, а значит – ценностно-сакральное значение. И в этом смысле все процедуры инклюзии в научное сообщество (защиты, экзамены,

<sup>4</sup> Этос науки Р. Мертона давал зеркально-негативное отражение нормативности политического сообщества и может быть презентирован в виде следующих дилемм: научная рациональность/политический популизм; горизонтальность и децентрализация научной коммуникации/централизованный социальный контроль; научный универсализм суждений /политическая партиципативность (патриотизм, партийность и т. д.); **организованный научный скептицизм/политически насаждаемая идеология**; коммунистическое распределение результатов исследований/политическая гарантия частной собственности на материальные блага; плюралистическая (неназначаемая) научная репутация/политический авторитаризм (авторитет назначаемых на должности) [Merton, 1973, p. 267–278].



присвоения званий и т. д.) в своей ритуальности мало отличаются от традиционных инициаций, сопровождающих все – столь рискованные для нормативного порядка общества – переходные состояния.

Если «этнос науки» принимать за постепенную историческую «седиментацию» (А. Шюц) культурной традиции науки как социального института, то, в этом случае, чем последняя отличается от любого другого сообщества, с собственными культурными (традиционными историческими и локальными правилами жизни)? Это явно противоречит идее приоритета научного наблюдения и коммуникации. Как наука может притязать на универсальность и образцовость своего бытия, если ее собственная культурная идентичность базируется на локальности, контингентности и историчности?

Так, либеральный аргумент в пользу автономии и разрыва общества и науки, в конечном счете, лишь утверждает идею научного коммуитаризма – понимания науки как сообщества среди прочих равных. И даже хваленый мертоновский «организованный скептицизм» в этом смысле может пониматься как локально-историческая ценность, которая не может определять жизнь других коммуникативно-автономных сообществ, ведь в этом случае нивелируется сама идея их автономии как фундамента либерализма.

Кроме того, внутри самих *аксиом научного этоса* наметились внутренние противоречия, прежде всего, между нормой антидогматичности и организованного скептицизма, с одной стороны, и нормой объективности (достоверности) научного наблюдения, в частности, достоверности самого этоса науки, с другой. Ведь само это притязание на лучшее видение и понимание, которое наука предлагает обществу, дефинитивно догматично и идеологично, поскольку априори выводится из-под критики науки. И тогда такой «этнос» приходится рассматривать как подлинную идеологию и догму.

**К. Поппер, как известно, предлагал устранить догматизм из научных исследований, сохранив все научно-значимые процедуры трансляции истины путем их фальсификаций (путем вывода *modus tollens*). Однако, если требования «предлагай рискованные гипотезы», «фальсифицируй утвердившиеся истины» включать в систему универсальных императивов, то это подрывает весь искомый фундамент социального консенсуса, включая как сам мертоновский *этнос науки*, так и шире – все фундаментальные ценности либерализма: свободы, равенства, народовластия и справедливости.**

Итак, идея научной коммуникации как стандарта для других сообществ столкнулась с парадоксами.

Во-первых, попытка выделить науку как образцовое независимое от остального общества – и в этом смысле объективно и антидогматично наблюдающее сообщество скептиков, требовало создать нормативный реестр требований, или «этнос», который в этой функции и



сам трансформировался в идеологию и догму, табуируя скептические и антидогматические интерпретации своих собственных положений. Это превращало либеральное понимание науки в свою противоположность – коммуитаризм.

Во-вторых, требование «организованного скептицизма» и универсальной фальсификации как метода научного наблюдения не может служить социальному согласию, поскольку релятивизирует всякое основание социального порядка и в этом смысле превращает науку в некий *социально-дестабилизирующий элемент*.

Можно ли разрешить эти парадоксы? И спасти тем самым такие притязания на истинность, которые одновременно могли бы служить фундаментом согласия для остальных сообществ? Или в другой формулировке: совместима ли лучшая познавательная и наблюдательная способность ученого с его притязанием на моральную правоту в вопросах общественного устройства?

### 3. Между обществом и наукой – теория протестного движения в науке

Наш тезис состоит в том, что разрешение парадоксов Поппера и Мертоня возможно на путях системно-коммуникативного подхода путем поиска некой бинарной (т. е. одновременно и нормативной, и когнитивной) установки как стандартизированной реакции на соответствующие коммуникативные сбои или проблемы (разочарования в нормативном порядке)<sup>5</sup>.

Такие коммуникации, с одной стороны, принадлежали бы научной коммуникативной системе, в том смысле, что они ориентировались бы на соответствующие программы (под которыми мы понимаем методологические и теоретические требования науки).

С другой стороны, они должны были бы в определенных условиях «*выходить за пределы*» научной системы, и *действенным образом* реагировать (а не только рефлексировать) на научные (и иные политические, хозяйственные проблемы и события) с точки зрения *нормативных* ожиданий, т. е. исходить не только из самоограничений (означенного собственного «этоса», как медиума научных коммуникаций и т. д.), но и *учитывать некоторую более широкую обще-общественную перспективу* и рассматривать фактические условия существования науки на предмет *восстановления* нарушенного (коррумпированного) нормативного порядка.

<sup>5</sup> *Когнитивная установка* требует менять норму в случае обстоятельства, ее опровергающего. *Нормативная установка* требует менять реальность, подгонять ее под норму и тем самым восстанавливать значение этой нормы. (Гегелевское «тем хуже для факта» – типичное выражение нормативной установки.)





В частности, такая коммуникативная система должна требовать повышения финансирования научных исследований не столько с точки зрения науки (ведь это само по себе никак не определяет истинность или ложность научных предложений – ключевого внутреннего самоограничения научной коммуникации), но исходила бы из внешней потребности самого общества в науке, как условия общественного воспроизводства.

Другими словами, должна существовать такая форма социальной или коммуникации, которая одновременно (или поочередно) концентрировалась бы и вокруг стандартных научных тем (стилизовалась бы под общезначимые переживания объективной реальности, выражала бы когнитивную установку), и представляла бы в форме гражданского активизма – на манер политической активности, представляла бы собой сцепление реальных действий, и выражала бы нормативную установку.

На наш взгляд в отечественной ситуации, в условиях недофинансирования и даже безразличия общества и политики к науке, возможен некоторый перекося такой коммуникации в сторону большей критики других систем и меньшей самокритической рефлексии науки.

В стандартной ситуации такая радикальная критика и активизм должны были бы быть направленными в большей степени на саму науку, требовать от нее демократизации своих институтов, либерализации правил членства и инклюзии, внимания к общественной релевантности научных достижений и их рисков и т. д.

Однако приходится признавать, что искомая когнитивно-нормативная бинарность проявляется в особом российском явлении – уникальном *движении протеста*, предметно кристаллизующимся вокруг темы недофинансирования научных исследований, т. е. в большей степени инореференциально, нежели самореференциально, при том что критика внешних по отношению к науке коммуникативных систем доминирует над критикой собственных научных институтов.

В связи с этим важно было бы получить ответ на вопрос о том, насколько сильно тот или иной тип протестного движения в науке отдифференцировался от традиционных типов коммуникации (и соответственно, от типов социального наблюдения) в рамках больших коммуникативных систем. Здесь приходится признавать, что такая *промежуточная коммуникативная система научного протеста* не отдифференцировалась окончательно, не создала для себя символического бинарного кода (наподобие символического медиа-кода *денег* для хозяйства, медиа-кода *власти* для политики, медиа-кода *веры* для религии, медиа-кода *любви* для системы интимных коммуникаций, *прекрасного* – для искусства). Тема *недофинансирования* слишком локальна и контингентна, чтобы стать обобщающим символом протестной коммуникации в науке.





Именно поэтому научный протест либо использует *морализации* (использует медиа-код «справедливости»), либо выступает в функции «поддержки» для других систем коммуникаций (например, для политической системы в формате оппозиции).

С теоретической точки зрения протест может до некоторых пор не выходить за пределы *интеракций* – приватного общения протестующих по алармистским мотивам обеспокоенности в отношении структурных следствий невнимания общества к нуждам науки, может не использовать медийные инструменты – публикаций, СМИ, интернета, социальных сетей. Протест может выступать в более продвинутых коммуникативных формах, например, оформляться в виде *организаций*. Он, однако, может задействовать традиционные коммуникативные *гранд-системы* – масс-медиа, политики, хозяйства. Все эти возможности, как нам кажется, реализовались в России в виде соответствующих протестных институтов. Исходя из этих теоретических предпосылок мы, применительно к российским реалиям, можем указать на следующие типы научного активизма.

Во-первых, речь идет об *интерактивно-ориентированном* типе движения, к которому, прежде всего, можно отнести *Общество научных работников*, лишенное жестких организационных структур. Во-вторых, к этому движению можно, с оговорками, отнести жесткий и наиболее консервативный *организационно-связанный* правилами членства вид протестного движения. К нему относятся *профсоюзы организаций РАН* и других научно-образовательных учреждений. И наконец, самой продвинутой формой радикализма в науке являются системно-интегрированные формы протеста, прежде всего на уровне коммуникативной *гранд-системы* масс-медиа (телевидение, интернет-вещание, газета), к которым можно отнести газету «*Троицкий вариант*», и наконец, *социально-сетевой тип научного протеста* – общество «*Диссернет*».

#### **4. Практика протестного движения в отечественной науке: формы, уровни, требования, инвективы**

«Общество научных работников» (ОНР) представляет собой организационно неоформленный тип общественного движения, что более всего отвечает подлинному характеру «движений протеста». Это значит, что оно не ограничивается уставом и правилами членства, определяющего жизнь *в конкретной организации*. Поэтому его участники не опасаются санкций от соратников ни за избыточный радикализм, ни за умеренность и примирительность.



Несмотря на известную «рыхлость», неопределенность условий участия, такие структуры в современных условиях более стабильны и устойчивы к разногласиям и расколам. Такая «макро-локализация» дает возможность концентрироваться на широком спектре вопросов, главный из которых – внешняя обще-общественная потребность в науке, а также внутренние вопросы организации и развития науки. Соответственно, ОНР декларирует причины своего создания в терминах, характеризующих моральные медиа-коды (справедливости, отчуждения, эксплуатации и т. д.).

Прежде всего, речь идет об *«отчуждении власти от научных работников, невиданное ни в развитых, ни в догоняющих странах. Мнение активно работающих ученых о науке и научной политике... игнорируется. Руководители научных учреждений и ректораты университетов зачастую назначаются властью без согласования с научной и преподавательской общественностью... беспрецедентно низкий один процент бюджета страны на науку используется неэффективно... дорогостоящие проекты и программы не проходят международной и отечественной научной экспертизы, не соблюдаются открытые конкурсные процедуры»* [Декларация..., 2012].

Таким образом, апелляция к обществу и требования к государству совмещают две перспективы: внутреннюю-когнитивную и внешнюю-нормативную. С одной стороны, это требования к внутренней демократизации, обращенные к самой науке (к прозрачности процедур финансирования, адекватной оценке научных достижений, выработке критериев научной репутации). Но, с другой стороны, одновременно формулируются политические и экономические требования (критика неэффективного расходования бюджета и неэффективного внешнего управления), исходя из внешней нормативной перспективы наблюдателя-морализатора, который фиксирует некоторую «поврежденную» норму (прежде всего, конечно, справедливого распределения) и требует ее восстановления.

В этом смысле ОНР выражает и самореференциальные качества мета-наблюдателя-ученого с его когнитивной установкой – ожиданием трансформации социальных структур науки, но, одновременно, занимает и инореференциальную позицию наблюдателя-активиста.

Активность ОНР, видимо, следует анализировать в контексте «структурно-критического» подхода к исследованию протеста [Антоновский, Бараш, 2018]. По крайней мере сами участники протеста полагают, что такая активность фиксирует некоторые структурные дисфункции коммуникативных макро-систем, связывает с ними собственные депривации, выступающие источниками их активизма. При этом разочарование в нормативных ожиданиях (от функционирования институтов государства и науки) требуют *восстановить* нарушенный порядок, но не требуют структурных изменений – в политике, хозяй-



стве и самой науке: как видно из программной цитаты, архаичность современной научной администрации они усматривают в несправедности экспертов, но не в структурных дисфункциях самого института экспертизы, который, очевидно, требует существенной демократизации. *Нормативная* ориентация этого протестного института в этом случае, очевидно, доминирует над *когнитивной* – как в отношении науки, так и в отношении внешних по отношению к науке институтов.

Соответствующим образом ОНР декларирует следующие цели и формы деятельности: *«мониторинг состояния и финансирования научных исследований; экспертиза научных программ и проектов; борьба с псевдонаукой и нарушениями научной этики; проведение опросов научных работников по насущным проблемам подготовка предложений и обращений к властям разных уровней и обществу, содействие талантливой молодежи в построении научной карьеры; привлечение негосударственных спонсорских средств на благо науки и просвещения; посредничество при конфликтах между учёными и администрацией»* [Декларация..., 2012].

Эти заявленные цели и формы активизма выражают двойственность когнитивно-нормативной установки. С одной стороны, очевидно, что этот тип протеста во многом отстает коммуникативную автономию науки. Он требует трансформаций, и прежде всего, преодоления функционально недифференцированного (и в этом смысле – архаического) устройства российского общества в целом, где экономика, наука зависят от политики, а политики мотивированы экономически. И это системная зависимость науки от избыточного внешнего и внутреннего администрирования является основной темой, объединяющей данный тип протестной коммуникации.

С другой стороны, как ни странно, для этого протеста характерна и противоположная особенность. Фактически эту автономию в известной мере предлагается «снять» за счет введения *института посредника*: между наукой и властью (подготовка рекомендаций и экспертизы для госорганов) и между наукой и хозяйством (привлекать самостоятельное финансирование), причем на роль этого посредника активисты предлагают самих себя. В этом контексте, конечно, данный тип протеста приходится относить уже не к «структурно-критическому», а к «ресурсно-мобилизационному» типу.

В целом этот тип протеста пока не выдвигает политических требований, не требует гражданского неповиновения, не готов переходить к «экстра-правовым» формам, и даже митинги и шествия не являются его основным аргументом в педалировании собственной протестной темы.

*Профсоюзы РАН* выражают наименее радикальный и наиболее консервативный тип научного активизма, его *организованную* форму, и в этом смысле его лишь условно можно отнести к институтам научного протеста. Профсоюз РАН формально не заявляет о целях,



связанных с темой протеста, не дает (в своих нормативных документах – Уставе и т. д.) оценки актуальной ситуации в науке. Устав и межотраслевое соглашение регулируют вопросы отношений с работодателями, при том что ситуативные протестные акции в защиту науки слабо связаны с уставными целями этой организации. На уровне Устава и формальных целей не обнаруживается понимания того, что науку надо защищать именно как социальную систему общества, а не только концентрироваться на защите экономических, в этом смысле экстра-научных, интересов «работников науки».

На уровне реальных акций и ситуативных деклараций мы, тем не менее, видим, что интересы науки как безличной, социальной системы отчасти декларируются, однако почти не сопровождаются призывами выходить на массовые акции или иными апелляциями к обществу. В тех редких случаях, когда формально заявляется о возможности коммуникативного преодоления границ системы науки<sup>6</sup>, фактическое взаимодействие даже и с «системной оппозицией» стремится к нулю. На момент написания статьи последний документ о таком сотрудничестве датировался 2011 г.

Третий вид институционализированного протеста в научной коммуникации мы резервируем за самыми «продвинутыми» коммуникативными медиа научного активизма. К таковым можно отнести интернет-газету «Троицкий вариант». То, что этот вид протеста структурно сцеплен с системой масс-медиа, доказывает, что протестное движение в науке действительно локализуется на уровне общества в целом (его макро-систем) и уже преодолело границы не только простых систем интеракций (face-to-face коммуникаций), но и организационно-оформленных коммуникаций. И в этом смысле данная газета обращается к обществу как таковому, выступает как равноправная система в ряду других гранд-систем (политики, хозяйства, образования и т. д.).

Однако, при всем этом, у данного медиа мы не обнаруживаем того, что принято называть «концепцией медиа», определения его миссии, тематических границ, рефлексии в отношении собственной таргет-группы. Его участники, как заявляет главный редактор Борис Штерн, осознанно отказываются от организационного «*типа администрирования, которое, как известно, не может существовать более двух месяцев. В ней нет ни единого штатного работника и четкого распределения обязанностей, нет планерок и жесткой редакционной политики. Редакция работает в основном на принципах спонтанной самоорганизации независимых участников, нелинейно взаимодействующих через Интернет*» [Штерн, 2012].

<sup>6</sup> Так, в пункте 2.2.20 Устава говорится об участии в формировании общественных и общественно-политических организаций и движений, взаимодействии с партиями, международными организациями, общественными и общественно-политическими организациями и движениями.



Что же представляет собой этот медийный проект, является ли он некоторым временным объединением для решения конкретной протестной задачи или весьма неопределенным по времени, предмету и сообществу?

Примечательно, что это единственный институт, который эксплицитно формулирует тему протеста (в виде хэштэга) и явным образом направляет свои инвективы на научный истеблишмент. Основные объекты критики – статусные лица в научном сообществе и чиновники. Этот вид научного активизма наиболее адекватно выражает то, что сегодня социологи понимают под протестом (*new social movements*). Прежде всего, радикальный протест счастливо избегает такой обременительной формы, как организация, а локализуется все-таки на уровне макросистем, т. е. общества в целом. Это значит, что протестное движение может рассчитывать практически на неисчерпаемые источники ресурсов (социальной энергии и времени, возможности краудсорсинга и фанд-райзинга), апеллирует к самым разным сообществам, но только не к материнской организации-донору (государству, МОН, ФАНО и т. д.).

Наконец, самым радикальным типом протестного движения в науке является интернет-сообщество «Диссернет», самоопределяющийся как «вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов».

Первое, что бросается в глаза, это то, что самописание данной системы отсылает не к научному этосу как внутреннему системно-коммуникативному ориентиру (Р. Мертон). Напротив, формулируется некоторая генерализированная ценностная рациональность, взывающая к справедливости, а не к системному медиа-коду научной истины (как обобщающего символа поисков нового достоверного знания), что лишь некоторым окольным путем требует и функциональной самостоятельности научной коммуникации.

Все переживания по поводу соблюдения системной нормативности высказываются не из перспективы системы науки (в которой *ложность*, как известно, нормализована, и даже может рассматриваться как рефлексивная сторона дистинкции *истина/ложь*), но из перспективы наблюдателя в позиции *вне науки*. Не *ложность*, но *плагиат* – вот главная проблема и демаркатор такого отграничения-из-вне научной коммуникации со стороны общества. В этом смысле «Диссернет» встает на позицию самого общества, как бы обеспокоенного тем обстоятельством, что его интегральная составляющая – наука – деградирует и дискредитирует себя.

Здесь мы сталкиваемся с удивительным требованием, когда границы коммуникативной системы поддерживаются *не изнутри* (т. е. силами сообщества ученых, сопротивляющихся внешним попыткам



определять тематические, методологические границы исследования), но извне – со стороны оппозиционно-политических сил, правда, вынужденных использовать ресурсы и самой научной коммуникации. Предположительно этот тип протестного общения укоренен в позиции наблюдения в перспективе *политической системы*. Здесь политика (в лице оппозиции) ангажирует науку и вступает с ней в структурные сцепление с тем, чтобы решать собственные политические задачи.

В этом смысле объект критики существенно размывается, но основная инвектива сохраняется и направлена против «политических и общественных деятелей, попытавшихся улучшить свою репутацию и приобрести дополнительное уважение сограждан путем защиты диссертаций и получения официальных дипломов о кандидатских и докторских степенях».

Итак, вступая в структурные сцепления с наукой, этот тип протеста одновременно утверждает научную автономию и как следствие – недопустимость объединения научной и политической коммуникации. Он направлен против «высказываний», стилизованных под научный дискурс (в форме научных работ и диссертаций политиков и чиновников), и тем самым делает невозможным обоснование политического авторитета (в худшем случае – авторитаризма) ссылками на научную репутацию политиков.

Несмотря на радикализм этого активизма, здесь, безусловно, в большей степени – и в качестве некоторой финальной цели – реализована *нормативная* установка. Таковой нормативной целью является восстановление «попранной справедливости» (в форме «некорректных заимствований») при том, что в качестве средств достижения этой цели (через анализ текстов диссертаций) задействуются когнитивные ресурсы и установки самих ученых. Это проявляется, прежде всего, в требованиях к изменению (а не восстановлению) порядка и процедур присуждения научных степеней и званий.

## Заключение

Итак, наличие нескольких типов новообразующегося протестного движения, кристаллизующегося вокруг тем автономии и защиты собственных интересов и перспектив научной системы, доказывают наш тезис о том, что по крайней мере является возможным такой тип коммуникации, который бы одновременно ориентировался и на когнитивную, и на нормативную установку в наблюдении реальности.

Мы показали, что такой тип коммуникации относительно стабильно воспроизводится и может претендовать на статус нарождающейся коммуникативной макро-системы. Это обстоятельство мы



можем охарактеризовать как практическое разрешение парадоксов Мертона и Поппера, которые – теоретически – указывали на несовместимость двух противоположных притязаний: с одной стороны, быть лучшим наблюдателем или институтом познания, а с другой стороны, предлагать лучшие образцы (ценности, нормы) социального согласия и общественного устройства.

Собственно, и данная статья является некоторым вкладом в это движение, поскольку использует научный инструментарий (системно-коммуникативную методологию) при анализе действительной теоретической проблемы, а с другой – проясняет, обосновывает и этим в известной мере *легитимирует* значение новой коммуникативной системы общественного протеста.

### Список литературы

Антоновский, 2018 – Антоновский А.Ю. Социальная философия науки: немецкая версия. Фридрих Шлейермахер о реформе немецкого университета и роли философского факультета // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 1. С. 204–214.

Антоновский, Бараш, 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативные исследования социальных движений // *Филос. журн.* 2018. № 2. С.

Бараш, 2013 – Бараш Р.Э. Роберт Кинг Мертон и Флориан Знанецкий о «людях знания» и «людях действия» // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2013. Т. 37. № 3. С. 205–228.

Бухарин, 1928 – Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. М.; Л.: Госиздат, 1928. 390 с.

Декларация, 2012 – Декларация о создании межрегионального общества научных работников. 2012. URL: <http://onr-russia.ru/node/3> (дата обращения: 01.03.2018).

Касавин, 2016 – Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки*, 2016. Т. 50. № 4. С. 63–73.

Касавин, 2018 – Касавин И.Т. Детство науки прошло безвозвратно // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Философия, социология, политология»*. 2018. № 2. С.

Никифоров, 2018 – Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Философия, социология, политология»*. 2018. № 2. С.

Шлейермахер, 2018 – Шлейермахер Ф. Нечаянные мысли о духе немецкого университета // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 1. С. 215–235.

Штерн, 2012 – Штерн Б. Всё, что вы хотели знать о газете, но боялись спросить // *Троицкий вариант*. 2012. № 10. URL: <https://trv-science.ru/2012/03/27/10-faktov-o-trv-nauka/> (дата обращения: 15.02.2018).

Merton, 1973 – Merton R.K. *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1973. 636 p.





Miller, 2000 – *Miller P.N. Peiresc's Europe. Learning and virtue in the XVII century.* New Haven, Conn. and L.: Yale University Press, 2000. 234 p.

Wittgenstein, 1978 – *Wittgenstein L. Philosophical Investigations.* Oxford: Oxford University Press, 1978. 250 p.

## References

Antonovski, A. Yu. “Sotsial'naya filosofiya nauki: nemetskaya versiya. Fridrikh Shleiermacher o reforme nemetskogo universiteta i roli filosofskogo fakul'teta” [Social philosophy of science: German version. Friedrich Schleiermacher on the reformation of German university and the role of faculty of philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 204–214. (In Russian)

Antonovski, A. Yu., Barash, R. E. “Sistemno-kommunikativnyye issledovaniya sotsial'nykh dvizheniy” [System-communicative research of social movements ], *The Journal of Philosophy*, 2018, no. 2. P. (In Russian)

Barash, R. E. “Robert King Merton i Florian Znanetskiy o «lyudyakh znaniya» i «lyudyakh deystviya»” [Robert King Merton and Florian Znaniecki about “people of knowledge” and “people of action”], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 205–228. (In Russian)

Bukharin, N. I. *Teoriya istoricheskogo materializma* [The theory of historical materialism]. Moscow, Leningrad: Gos. Publ.house, 1928. 390 pp. (In Russian)

Deklaratsiya o sozdanii mezhregional'nogo obshchestva nauchnykh rabotnikov [Declaration on the establishment of an interregional society of scientists]. [<http://onr-russia.ru/node/3>, accessed on 20.03.2018] (In Russian)

Kasavin, I. T. “Kritika gruppovykh ubezhdeniy” [The critique of group belief: a discussion with Jennifer Lackey], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 63–73. (In Russian)

Kasavin, I. T. “Detstvo nauki proshlo bezvozvratno” [Childhood of science passed irrevocably], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Philosophy, sociology, political science*, 2018, no. 2, pp. (In Russian)

Nikiforov, A.L. “Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni” [What did the Modern Age science give to the mankind] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Philosophy, sociology, political science*, 2018, no. 2, pp. (In Russian)

Schleiermacher, F. “Nechayannyye mysli o dukhe nemetskogo universiteta” [Unwanted thoughts about the spirit of the German university], *Epistemology & philosophy of science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 215–235. (In Russian)

Merton, R. K. *The sociology of science: Theoretical and empirical investigations.* Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 pp.

Miller, P. N. *Peiresc's Europe. Learning and Virtue in the Seventeenth Century.* New Haven, Conn. and London: Yale University Press. 2000. 234 pp.

Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations.* Oxford: Oxford University Press, 1978. 250 pp.